

Сергеев Борис Викторович

**Шахтинцы: История
вредительства, суд, приговор**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Б82

Б82 **Борис Викторович С.**
Шахтинцы: История вредительства, суд, приговор / Сергеев Борис Викторович – М.: Книга по Требованию, 2025. – 98 с.

ISBN 978-5-519-85412-2

ISBN 978-5-519-85412-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Однако творческая энергия победившего класса преодолела все препятствия, всякое сопротивление, и стройка социалистического здания страны продолжалась с неослабевающим упорством.

Лучшие из интеллигентов сквозь туман бурных лет уже сумели различить очертания нового мира, который шел на смену старому, буржуазному. Интеллигентские силы, специалисты всех родов склонились перед волей класса-созидателя и начали прекращать саботаж, стали отдавать свои познания новому строю. Честно, добросовестно понесли они свой опыт и умение рабочему классу. Наиболее неисправимые, злобствующие кучки были выброшены революционной волной за рубежи республики и там печально кончают свои дни. Остались и такие непримиримые ненавистники пролетарской диктатуры, которые притаились здесь, внутри страны, и под лицемерным видом советского „благочестия“ продолжали творить свое гнусное дело саботажа и вредительства. Это те, которых мы клеймим „шахтинцами“ — по имени округа в Донбассе, где одна такая кучка много лет вела свою подрывную работу.

Те, которые притаились.

Шахтинское дело выходит далеко за пределы рядового случая экономической контр-революции. Шахтинцы, это — целая

организация, планомерно вредившая нашему хозяйству на одном из самых важных его участков — угольном.

Кто они, эти шахтинцы, объединяющие в своих рядах людей, стоящих на разных ступенях образования и технических знаний, начиная от крупных, с многолетней практикой инженеров и кончая обыкновенными техниками? Все они, в подавляющем большинстве, люди, кровно связанные с бывшими хозяевами. Наконец, среди шахтинцев есть и бывшие шахтовладельцы.

Нечего и говорить, что такие люди не могли отнестись к Октябрьской революции иначе, как с лютой злобой, что они ненавидели новых хозяев — рабочих и крестьян — и, как цепные псы, продолжали защищать интересы своих бывших господ и в новой советской обстановке. Конечно, им не плохо жилось в старое время и они, как только умели, словом и делом, это старое вспоминали.

У героев шахтинского дела „славное“ прошлое буржуазных лакеев, жандармских помощников, контрразведчиков. Лицо преступников, которые держали ответ перед пролетарским правосудием, это — лицо классового врага рабочих и крестьян, это — лицо буржуазии, не знающей пределов в своей ненависти к советской республике.

По указке буржуазных хозяев.

Но они не только ненавидели, они свою бешеную ненависть претворяли в организованное вредительство. Они действовали по прямой указке и на деньги своих бывших хозяев. Шахтинцы — разведка буржуазии в нашем глубоком тылу. Эта организация разведчиков была довольно широко разветвлена, имела свои отделения и в Харькове, и Москве, и за границей. Основная задача, которую поручил ей выполнить наш классовый враг, заключалась в том, чтобы разрушить наше угольное хозяйство, чтобы ввести нас в непроизводительные расходы, сохранить лучшие пласты угля и лучшие шахты для бывших хозяев.

Шахтинцы были уверены, что власть рабочих и крестьян временная, и первоначально хотели „охранять“ Донбасс для его „законных“ капиталистических владельцев. Они подошли к вредительству, разрушению и порче машин, когда вместе со своими заграничными господами убедились, что советы стоят прочно и незыблемо.

Огромен был размах шахтинского вредительства, но он оказался ничтожным перед бурным ростом и укреплением социалистического хозяйства. Злобствующая буржуазия, ее шахтинская агентура оказались не в силах нанести сколько-нибудь значительный ущерб

нашей промышленности. Она росла и развивалась, несмотря на вредительские удары из-за угла, и эти удары были тем сильнее, чем быстрее росла наша промышленность и крепло наше хозяйство.

„Там судят наших“

Во время шахтинского процесса одна фашистская итальянская газета заявила:

„Там, в Москве, судят наших“.

„Наших“ — это значит подрывников советской власти. „Наших“ — это значит своих вольных и невольных помощников по борьбе с рабочими и крестьянами.

Не только белая гвардия, но и вся международная буржуазия обломала себе зубы при попытке сокрушить военным ударом твердыню советов. Они вынуждены были отказаться от вооруженной борьбы с нами, но не оставили мысли о подрыве нашей хозяйственной мощи изнутри. Чем выше поднималась волна нашего хозяйственного роста, тем чаще международная буржуазия посылала к нам своих заговорщиков, тем чаще она требовала прямых действий от шахтинцев, работавших в СССР.

И предварительное и судебное следствие с неопровержимой ясностью доказали связь многих подсудимых с иностранным капитализмом. Из-за рубежа средства на вредительство сыпались щедрой рукой.

Чего добивалась международная буржуазия?

Еще бы. Для международной буржуазии под'ем нашей промышленности, нашей индустриализации — нож острый. Ведь наши хозяйственные успехи делают нас независимыми от иностранного капитала. Это ей невыгодно. Она предпочитает видеть наш Союз хозяйственно слабым организмом, нуждающимся в постоянной помощи буржуазного мира. Вот тогда-то международный капитал и ставил бы нам какие угодно условия, он свел бы нас к положению какой-нибудь колонии, в которой он безраздельно бы властвовал, потряхивая золотой мошной.

Нелепыми поэтому выглядят утверждения большинства шахтинцев о том, что они вредили нам только „хозяйственно“, но отнюдь не были политическими контрреволюционерами, отнюдь не стремились к свержению советской власти. Тот, кто противодействует социалистическому хозяйству, этим ослабляет хозяйственную мощь страны советов и усиливает нашу зависимость от международной буржуазии, усиливает ее позицию в борьбе с нами, а стало быть, идет против власти рабочих и крестьян. Хозяйственный удар по пролетарской диктатуре есть в то же самое время и удар политический.

Зарубежная печать, буржуазно-соглашательская, вела ожесточенную кампанию против суда над шахтинцами. Большевики,

видите ли, выдумали это дело, чтобы взвалить всю вину за свое неумение хозяйствовать на ни в чем неповинных инженеров. Эта печать заранее оправдывала контрреволюционеров и сочувственно приветствовала „мучеников“. Но уже во время хода самого суда даже буржуазно-меньшевистские защитники „справедливости“ должны были снизить тон своего негодования. Слишком ясны и очевидны были преступления вредителей.

Нам не страшны шахтинские разведчики.

Победившим рабочим и крестьянам, в творческом порыве строящим новую жизнь и свое социалистическое хозяйство, не страшны шахтинские разведчики. Но вместе с тем процесс шахтинцев напоминает трудящимся Страны Советов о необходимости величайшей бдительности. Неугомонный классовый враг не спит. Буржуазия далеко еще не исчерпала своего запаса ядовитых вредоносных средств и, вероятно, не раз пустит их в ход против страны пролетарской диктатуры. Шахтинский отряд вредителей не первый и, вероятно, не последний.

Своевременно разглядеть лицо классового врага, во-время сорвать с него личину лицемерия, во-время вытащить его на свет из щелей — вот о чем настойчиво напоминают нам страницы шахтинского дела. Пусть эти страницы языком фактов расскажут нам теперь о делах и днях шахтинцев.

ИСТОРИЯ ВРЕДИТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ.

Лицо шахтинских вредителей.

Прежде, чем перейти к истории вредительской организации, надо познакомиться с деятелями ее, познакомиться с их прошлым, с их политическими убеждениями. Вплоть до того момента, пока они были арестованы и посажены на скамью подсудимых, многие из них даже не скрывали своих контрреволюционных убеждений.

Махровые черносотенцы, рвачи, шкурники— вот кто шахтинские заговорщики. Многие из них в прошлом сколотили изрядные капиталы, получали жирные подачки „с господского стола“ и, понятно, что они возненавидели всем нутром новую власть, лишившую их капиталов, былых почестей и приятной жизни.

Сами обвиняемые довольно откровенно говорили об этом и на предварительном следствии и на суде.

Вот, например, что показал обвиняемый Матов:

„Новые отношения, условия жизни и работы при советском строе были не только не привычны, но и противоречили всему привычному и, как следствие этого, вызывали отрицательное к себе отношение“.

Обвиняемый Калганов, как бы дополняя эти показания, говорит:

„Раньше мы принадлежали к разряду работников, резко выделявшихся по уровню материального благополучия. Наша служба давала нам покой и более или менее хорошее ответственное положение. А после революции мы разделили общее положение со всеми. Кроме того, техническая интеллигенция, по сравнению с другими группами интеллигенции, была гораздо ближе к промышленному капиталу по самому своему положению. При капиталистическом строе мы являлись в известной степени офицерами капитала“.

Ничего нет мудреного в том, что люди, так настроенные, питали прямо-таки звериную злобу к существующему строю. На „товарищеских вечеринках“ в своем тесном кругу они пели „Боже, царя храни“, произносили речи о скором падении советской власти, злобно рассказывали о своих вредительских действиях.

Обвиняемый инженер Березовский рассказал, какие мотивы заставили вступить его в контрреволюционную организацию:

„Основной моей службой в дореволюционное время я считаю службу мою в Донецко-Грушевском акционерном обществе, где занимал должность заведующего шахтой, получая жалованья 400 руб. в месяц, бесплатное помещение, освещение, отопление, выезд,

содержание домашних животных, получал награды и так далее. Моя служба давала мне право рассчитывать на дальнейшее продвижение, и я твердо полагал, что по истечении некоторого времени я буду управляющим рудником. Эта последняя должность давала бы уже 750 руб. в месяц жалованья.

Все это я потерял в результате революции.

И до революции шахтинцы были врагами рабочего класса и крестьянства, и после революции они остались тем же, чем и были.

Вот, например,—подсудимый Гаврюшенко. Еще до войны Гаврюшенко служил на шахте техником. Он тогда уже грубо обращался с рабочими и избивал их. При власти белых Гаврюшенко бил рабочих еще хуже. Помимо этого, он выдал ряд рабочих, ведших агитацию за советскую власть, контрразведке, и там их расстреляли.

С контрразведкой был связан и ряд других обвиняемых — Башкин, Калганов, Березовский и другие.

Эти лица давали ценные для контрразведки сведения о рабочих, сочувствующих советской власти, и об активных борцах за дело советов. По этим донесениям контрразведка арестовывала рабочих и затем расстреливала. Расстрелы происходили пачками: по 50, по 100, по 300 человек. Расстреливались рабочие даже за то, что имели винтовку, за отдельные слова и фразы против белых.

Бывший сотрудник шахтинской контрразведки Кладько показал на следствии по делу шахтинских заговорщиков следующее:

„Всего примерно шахтинской контрразведкой было расстреляно 3 — 4 тысячи рабочих. Эти рабочие были выданы контрразведке, главным образом, инженерами и техниками, обвиняемыми сейчас во вредительстве“.

Так зверски, так жестоко расправлялись шахтинцы с рабочими и крестьянами, осмелившимися поднять руку на капиталы, шахты и земли их хозяев. Так расправлялись они в то время, когда имели к этому полную возможность — во время белогвардейщины на юге. Но революция стерла с лица советской земли белогвардейские банды, революция окончательно закрепила свои завоевания, и шахтинским заговорщикам пришлось уйти в подполье и там исподволь начать свою вредительскую деятельность.

Первые шаги.

Уйдя в подполье, шахтинцы не прекратили своей борьбы с победившей революцией. Но эту борьбу они стали вести в другой форме, направив свои усилия, главным образом, к подрыву изнутри советского хозяйства.

На рудниках рудоуправлений Шахтинского округа собираются старые инженеры и техники, работавшие там еще до революции у старых хозяев. Так, например, в Несветаев-